

5. Кочетков, А. П. Некоторые особенности развития гражданского общества в странах Азии / А. П. Кочетков // Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 36–49.
6. Кочетков, А. П. Государство и гражданское общество в России: стратегия взаимодействия [Электронный ресурс] / А. П. Кочетков // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33970032>. – Дата доступа: 11.12.2020.
7. Чугров, С. В. Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России / С. В. Чугров // «Полис». – 2012. – № 2. – С. 49–71.
8. Малик, Е. Н. Формирование политической культуры молодежи в условиях медиатизации российской политики / Е. Н. Малик. – Орел : ОРАГС, 2009. – 349 с.
9. Ручкин, Б. А. Российское общество: патриотизм XXI века / Б. А. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 23–30.
10. Сквовиков, А. К. Власть и гражданское общество: диалог взаимодействия / А. К. Сквовиков // Политические науки и фундаментальные исследования. – 2014. – № 12. – С. 45–51.

*А.А. Атаманенко, студент
artemonat@mail.ru
РАНХиГС (Москва, Россия)*

<http://edoc.bseu.by/>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА КИБЕРПАНКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ ТЕХНОКРАТИИ

В работе «Свет, обманувший надежду» исследователи Иван Крастев и Стивен Холмс задаются вопросом того, почему волна европейской демократизации после 1989 года на сегодняшний привела к дискриминации либеральной демократии как политического этоса. Авторы называют причиной такого исхода долго применявшуюся в странах восточной Европы политику имитации, подразумевавшую косметической настройку либеральной идеологии при функциональном и структурном сохранении традиционных политических институтов. Такая имитация обуславливалась необходимостью политического признания либо экономической помощи, а с достижением цели имитационные практики постепенно отмирали ввиду отсутствия финансирования и должного внимания [5]. Столкнувшись с проблемами внутреннего ощущения демократичности с одной стороны и с восточной альтернативой сильного государства, не стесняющегося вторгаться в личную жизнь своих граждан с другой, современные прочтения политической этики требуют поиска альтернативы агрессивному продвижению либеральных ценностей. Технологии и средства коммуникации сегодня все больше влияют на институционализацию цифровой политики, электронных правительств и элементов медиакратии.

В связи с новым парадигмальным измерением политической сферы требуется определить границы допустимого и предназначение политической

морали в условиях наступающей технократии. Достаточно интересным дискурсом с точки зрения таких изменений также становится кризис из-за пандемии коронавируса, изменивший запросы общества и приведший к пересмотру некоторых политических ценностей. Поскольку этические концепции создаются в первую очередь профессиональным философами и социальными учеными, мы можем попробовать обрисовать перспективы политической этики в условиях так называемого «киберпанка».

Киберпанк есть набор условий и регистров восприятия реальности, подразумевающих техническую вседозволенность и социально-политическую несвободу. С.Н. Волков определяет киберпанк как один из подвидов ретрофутуризма, определяя несколько пессимистический контекст употребления данного термина [2]. Зародившись в среде научной фантастики, сегодня эта идея используется для обозначения совокупности политик, в которых технология и технический прогресс выступают в роли инструментов политического управления и самостоятельной политической ценности. П. Родькин называет такое состояние «онтологической зрелостью власти» [7, с. 37–39], отмечая киберпанк как политическое бытие, направленное на власть как институт для общества, которое в свою очередь существует для власти. Техническая и технологическая сложность такого круга делают киберпанк на сегодняшний день более визионерским концептом политической философии, чем реальной программой какой-либо страны, однако все чаще и чаще в науке и публицистике описательный набор киберпанка апеллирует к политической действительности.

Бруно Латур предлагает акторно-сетевую теорию как способ описания индивидуально особенных социально-политических конструкторов. Для этого нам необходимо отойти от социологии понятий и прийти к наблюдению тех контекстов, которые создают деятели данной социальной среды [6]. В условиях политического киберпанка такой методологический подход может позволить нам увидеть всю полноту автономных политических систем, реализующих собственную технократическую плоскость. Важным аспектом акторно-сетевой теории является ее фокус на ценность социального явления в самом себе, что коррелирует с тезисом Родькина об онтологически зрелой политической власти. Этот подход может позволить посмотреть на власть как на технологическую ценность, создающую под себя необходимый социальный дискурс. В таком понимании власть уже не ресурс, а знание о степени и возможности управляемости системы. Аналогичных идей придерживался основатель и классик кибернетики Норберт Винер в работе «Кибернетика, или управление и связь в животном мире» выделяет три принципа кибернетического управления:

1. Управление. Любая система имеет предрасположенность к управлению и противодействию энтропии, упорядочиванию процессов внутри себя.

2. Системность. Система может существовать только тогда, когда взаимодействия внутри нее происходят регулярно и часто в различных направлениях.

---

3. Обратная связь. Все взаимодействия в системе представляют не только коммуникативные акты, но и реакции на них. Обмен стратегической информации определяет то, насколько система постоянна и стабильна [1].

В условиях кибернетического управления акторно-сетевая теория помогает нам описать политическую систему на основе ее собственного социально-политического механизма. Категории «суверенитета» и «идентичности» также дополняются понятием цифровой экосистемы и национального информационного пространства. Возможно, классическое понимание национального государства в данном прочтении политической этике уступит свое место некоему новому концепту «информационного государства».

Еще одной заслуживающей внимания особенностью политической этики потенциального киберпанка становится повсеместная цифровизация работы и рабочей силы. В своей знаковой книге «Прекариат: новый опасный класс» Гай Стэндинг описывает прекариат как нестабильную социальную категорию, постоянно занятую временной работой. К прекариату относятся мигранты, студенты на подработке, фрилансеры и все те, кто регулярно меняет место и качество собственной работы. Прекариат ввиду своей нестабильности не имеет адекватного политического представительства, поскольку из-за отсутствия выраженной коллективной ментальности не может артикулировать собственный запрос, да и для политиков представляет далеко не самую привлекательную избирательную базу. Из-за этого прекариат оказывается заложником корпораций и «гибкого» рынка труда, но гибкого отнюдь не для работников, а для тех, кому выгодно иметь по факту зависимый от колебаний рынка социальный класс, который не будет источником проблем и несогласия [8]. В каком-то смысле можем говорить о том, что этика киберпанка – это этика цифрового прекариата. Помимо всех возможностей по оптимизации управленческих и социальных процессов цифровизация приводит к часто тревожащей приверженности показателям и статистике. Возросшие мощности по обработке больших данных и усложнение управленческих цепочек приводит к тому, что в линии экономического, политического или социального производства ценность работника заменяется его включенностью в алгоритм. Успешность такого алгоритма определяется в первую очередь количественной выполняемостью поставленной задачи, а это может быть причиной игнорирования человеческого благосостояния. Этими вопросами уже задался в своем трактате антрополог Дэвид Гребер. В «Бредовой работе» автор выдвигает тезис о том, что технократическое усложнение работы привело к появлению формы трудового насилия, в которой ненужная или даже вредная для отдельного человека работа становится обязательной как часть глобального социально-политического алгоритма и символ власти над отдельным человеком в системе. В этом случае технократический характер власти проявляется в ее монополии на установление нормы данного алгоритма и придание значимости его отдельным элементам [3].

Наконец, в визионерском проекте киберпанка политическая сфера деполитизируется, приобретает технические функции, но одновременно с этим происходит массовая политизация социального. Джон Кин в работе

«Демократия и декаданс медиа» описывает медиакратию как форму информационного негосударственного институционального дизайна по осмыслению и реализации политической повестки. [4, с. 219–230] В медиакратии основную роль играют медиахолдинги, ТНК и иные коммерческие организации, которые могут позволить себе достаточные ресурсные вложения в поддержание собственных медиаматериалов. В этом качестве медиакратия видится как функциональное пространство для политической этики киберпанка, в котором, следуя постулатам акторно-сетевой теории, мы даем системе право самой называть и описывать свои качества. Политическим капиталом киберпанка становится потенциал информационного воздействия.

На сегодняшний день киберпанк видится нам как одновременно опасение и надежда относительно глобального политического будущего. Товаризация политической сферы и тирания показателей уравниваются техническим прогрессом и открытием новых способов применения цифровых технологий в улучшении и упрощении привычных нам социально-политических процессов. Однако уже сегодня ощущается необходимость в обновлении парадигмы политического мышления, основанного на политической этике, готовой к функционированию в условиях всеобщей информационной технократии. В условиях киберпанка задачей политической этики становится сохранение индивидуальности человека и противопоставление его ценности самовоспроизводимой ценности власти как онтологически зрелой системной силы.

Список источников:

1. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука, 1983. – 344 с.
2. Волков, С. Н. О деструктивных тенденциях информационного общества / С. Н. Волков // Инновационная наука. – 2020. – № 7. – С. 42–44.
3. Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / Д. Гребер. – М. : Ад Маргинем, 2020. – 440 с.
4. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / Дж. Кин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 312 с.
5. Крастев, И. Свет, обманувший надежду. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / И. Крастев, С. Холмс. – М. : Альпина паблишер, 2020 – 354 с.
6. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
7. Родькин, П. Кинополитики. 13 опытов по герменевтике современного кинематографа / П. Родькин. – М. : Совпадение, 2018 – 184 с.
8. Стэндинг, Г. Прекариат. Новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М. : Ад Маргинем, 2020. – 368 с.